

В. Т. Нарезный. Богатый бедняк.

НОВЫЕ ПОВЕСТИ

Воспроизводится по изданию:

В. Т. Нарезный. Избранное, - М. Сов, Россия, 1983.

OCR Pirat, доп. правка - Либ.ру: Классика, сентябрь 2005 г.

Багряное солнце клонилось к своему закату. Лазоревое небо отражало лучи его на горы, леса и долины.

Воздушные обитатели, усевшись на ветвях зеленых, пели вечерние гимны, в коих, как казались для душ чувствительных, приносили благодарность виновнику их жизни, свободы и счастья. Вдали раздавался рев усталых под ярмом волов и блеяние овец, идущих с паствы. Словом сказать, картина эта происходила летним вечером, в прелестной долине, верстах в тридцати от Полтавы.

У самой этой долины остановился Полтавский полк, возвращавшийся из пятилетнего похода против крымских татар и турков, когда благочестивый царь Алексей Михайлович ратовал против сих неверных. Полковник произнес воинам приличную речь и позволил каждому брести далее, куда хочет. Разумеется, что каждый пошел искать покоя и радостей на свою родину; один только молодой есаул Ипполит, по прозвищу Голяк, не знал, где приклонить голову. Конечно, было место на земном шаре, где родился и вырос он, но, по всему вероятно, место это запустело, и Ипполиту много понадобилось бы иждивения, чтоб сделать оное похожим на жилище человеческое: а у него в карманах было пусто!

Ипполит родился от шляхтича, самого бедного в описанной мною округе. Отец его, пан Еврогий, проживал на правой стороне долины. Он имел во владении небольшой участок земли и также небольшую хату, в которой помещался с женою Феклою, сыном Ипполитом, дочерью Мариною, работником Фомой и работницей Вассою. Помещик не ленился сам ходить за плугом, жать и молотить хлеб и косить сено. От этих занятий никто из домашних уволен не был. Однако Ипполит, с самого отрочества, охотнее ходил в школу в ближнее село, к дьячку Сидору, чем в поле или в лес, и еще охотнее сражался с товарищами, чем погонял волов. Едва исполнилось ему двадцать лет, как постигли его бедствия, нисколько не мечтательные: в короткое время лишился он отца и матери.

Сестра его, Марина, избавившись ига родительского и не могши терпеть самовласти братина, склонилась на ласки одного проезжего шинкаря, обвенчалась с ним тайно и бежала. Работники Фома и Васса также слюбились и его оставили, чтобы жить своим домом. Ипполит остался один во всей природе, и вся природа показалась ему бесплодною пустыней. Но к большому его несчастью, к пушей скуке для его сердца, он не мог противиться прелестям юной Богомилии, единственной дочери богатого помещика Никанора, которому принадлежала большая половина селения, где Ипполит у дьячка Сидора учился русской грамоте. Он, по праву урожденного шляхтича, незадолго до кончины родителей, начал в праздничные дни посещать дом сказанного помещика и был принимаем, хотя нельзя сказать ласково, однако и не спесиво. Вскоре пламенные взоры, обращаемые на шестнадцатилетнюю красавицу, вразумили ее о состоянии его сердца. Ах! как и в эти уже лета понятливы бывают молодые люди! При всяком новом появлении Ипполита сердце Богомилии трепетало необычайно, белая грудь вздымалась, глаза, пламенея, потуплялись в землю, и заря румяная алела на щеках ее. Они ни слова не говорили друг другу о своих взаимных чувствованиях; но любовь, пламенная любовь, день ото дня в сердцах их усиливалась. Надо отдать справедливость, что Ипполит из всего околота был прекраснейший молодой человек, и если бы имел хотя средственной достаток, то едва ли какая-нибудь невеста отказала б ему в руке своей.

Хотя дела эти происходили довольно давно, однако и в то время люди были с глазами и ушами. Родители Богомилии скоро заметили, что дочь их занята не одним шитьем и вышиванием. Они приступили к ней с лукавыми вопросами, и легковверная красотка откровенно призналась, что она любит и - взаимно любима. "А почему ты так думаешь?" - спросили родители в один голос.

"Ах! - отвечала дочь со вздохом, потупя прелестные глаза в землю, -